

На мірскомъ передѣлѣ земл .

(Очеркъ изъ сѣверно-русской жизни)*).

— А. А., васъ звали на сходъ: десятскій приходилъ и говорилъ, чтобы непременно пришелъ, больно нужно, вишь,—объявилъ мнѣ работникъ Евгеній, когда я вернулся съ охоты и только-что расположился отдохнуть.

— Не знаешь-ли, зачѣмъ, что такое случилось?—съ волненіемъ спрашиваю его, такъ какъ приглашали меня на сходку лишь въ исключительныхъ случаяхъ; напр., сдѣлать учетъ старостѣ, разъяснить смыслъ закона или начальственнаго предписанія, вообще разобраться при помощи ариѳметики и элементарнаго знанія законовѣденія въ какой-нибудь общественной «путаницѣ», и когда, къ тому же, сельскій писарь и «счетчики» уже спасовали. Хотя я былъ такой-же членъ общества, какъ и прочіе, но всѣ знали, что живу я не однимъ земледѣліемъ, поэтому и не безпокоили часто.

— Да будто-бы насчетъ передѣла земли... Такъ бають по деревнѣ-то—отвѣтилъ на мой вопросъ Евгеній.

О необходимости передѣла земли давно уже поговаривали у насъ, но до сихъ поръ все дѣло кончалось толками, хотя необходимость эта ясно сознавалась большинствомъ членовъ общества. Тормозило дѣло меньшинство вліятельныхъ.

Общество наше состоитъ изъ одной только деревни, Бережной (въ Вологодской губ.), съ населеніемъ 136 рев. муж. п. душъ, а наличныхъ обоего пола около 400, передѣла-же земли не было съ послѣдней ревизіи—1858 г. За такой долгій періодъ времени распредѣленіе земли сдѣлалось крайне неправильнымъ: сильный да богатый крестьянинъ владѣлъ вдвое большимъ количествомъ земли, чѣмъ ему слѣдовало-бы, да и лучшаго качества, благодаря постепенному приобрѣтенію отъ бѣдняковъ разныхъ «полосочекъ» и «полянчекъ» посредствомъ купли и мѣны. Платежъ-же повинностей, между тѣмъ, нисколько не измѣнялся изъ-за такого порядка вещей: кому и насколько надѣловъ отведено было земли въ началѣ выкупа, тотъ за столько надѣловъ и платилъ выкупные и другіе платежи, хотя-бы впоследствии владѣлъ, какъ сказано, вдвое большимъ или меньшимъ количествомъ земли. Такой порядокъ, конечно, для богатыхъ былъ выгоденъ, и они всѣми средствами тормозили возможность передѣла, какъ, наоборотъ, бѣдные всѣми силами добивались его.

Съ каждымъ годомъ, однако, такая аномалія во владѣніи земель выступала все рельефнѣе, и крики бѣдняковъ о несправедливости ея стали повторяться все чаще, чуть-ли не при каждой сходкѣ. Наконецъ, должно быть такой порядокъ сдѣлался не втерпѣжъ уже и тѣмъ изъ членовъ общества, для которыхъ было все равно,—дѣлитель ли землю или владѣть ею по старымъ межамъ, и вотъ собралась спеціально для рѣшенія этого дѣла сходка, результатомъ которой я былъ крайне заинтересованъ и, какъ членъ, какъ участникъ въ этомъ дѣлѣ, поспѣшно отправился туда.

Изба старосты Ивана Васильева была, когда я вошелъ, буквально переполнена однообщественниками, и споръ двухъ враждующихъ сторонъ былъ въ полномъ разгарѣ.

*) Изъ газеты «Сѣверный Край» 1899 г. №№ 32, 35 и 36.

Трудно было разобрать, кто и что говорилъ, такъ какъ говорили или вѣрнѣе сказать: кричали всѣ вмѣстѣ и никто никого не слушалъ. Но вотъ на минуту притихли, и староста, замѣти меня, какъ вновь подошедшаго члена и незнаваго еще «объ дѣлѣ» обратился ко мнѣ съ разъясненіемъ и вмѣстѣ съ вопросомъ насчетъ моего мнѣнія.

— Видишь-ли А. А., многіе у насъ вскумошились *) передѣлить землю, — говорить онъ, — а другіе не хотятъ, такъ, какъ ты думаешь?...

— Для меня, братцы, какъ хотите: куда большинство, туда и я! — отвѣчаю.

— Такъ-то такъ, А. А! — говорятъ противники передѣла, — но, примѣрно, мы владѣли своими участками около 30-ти лѣтъ, всячески ихъ удабривали, ходили, сдѣлали свои полосы, что скатерти, и хлѣбъ у насъ сталъ родиться двойпой, другіе же, примѣрно, запустили чуть не всю пашню, да и остатки ся истощили, потому что всячески избѣгали тяжелой работы, шли на легкіе заработки... Такъ, посудите сами, зачѣмъ же мы будемъ отдавать свои-то полосы и опять садиться на ихнія, истощенныя?... Тощую-то не сдобришь 10 лѣтъ... Зачѣмъ же насъ-то обижать?... Вѣдь они — кто добивается передѣла — что наживали, такъ намъ не давали, съ нами не дѣлились? А если проматывали намъ же ту или другую полосу, алы полянку, то по доброй волѣ, сильной руки не было... А теперь, видишь надо отобрать, да мало того — еще сбавить мнѣ на полдуши и надѣла, даромъ что я выкупала землю то около 30-ти лѣтъ!... Десять лѣтъ пройдетъ, такъ и то утверждаютъ въ нравахъ, не токмо што... Нѣтъ, это не порядокъ!...

— Десятилѣтняя давность, о которой ты упоминаешь, — разъясняю я дядѣ Дмитрію, — относится къ личной, крѣпостной собственности и въ данномъ случаѣ не примѣнима, такъ какъ земля здѣсь общественная и воля надъ ней, значить, тоже должна быть общественная.

— Полно, дядя Митрей, грѣшить-то! — говоритъ Васюха. Это развѣ порядокъ тоже: ты вотъ за двѣ души подати-то платишь, какъ и я, а у ти сростаеть хлѣба-то 50 мѣшковъ, а у меня только 10, а вѣтъ ѣдокъ-то у меня не меньше твоего?.. Это развѣ справедливо? вѣдь земля-то общественная...

— Вѣрно! вѣрно! загремѣло въ толпѣ.

— А кто васъ унимаетъ удобрять землю-то или вновь распахивать? Пенниковъ-то есть еще — распахивай! — возражаетъ Дмитрій.

— То-то, видишь нѣтъ такихъ, такіе ты-то захватилъ! У тебя полянка-та возлѣ самое поле, сажень сто отъ деревни, а намъ надо распахивать ужъ по ту сторону лиги, версты три отъ деревни, а это развѣ не расчесть?.. Ты навозомъ-то овалишь ее въ одинъ день, а намъ надо недѣля, также пахать, боронить и жать — все впятеро больше уйдетъ времени... А земля-то развѣ тамъ такая, какъ у тебя? Вѣдь тамъ — одна глина! Нѣшто мы маленькіе, не понимаемъ?.. Что зубы-то заговариваешь намъ!.. огрызается Васюха.

— Да вотъ, ребята! развѣ это по бежески: примѣрно Афанасій-то Васильевъ далъ моему отцу когда-то въ голодный годъ два мѣшка ржи, а выговорилъ за это какую полосу-то?.. Онъ каждый годъ снимаетъ съ нея по три мѣшка, а пользуется ужъ 20 лѣтъ... Я плати подати, а онъ моей полосой пользуется... Это нѣшто порядокъ? говоритъ Кленко, маленькій мужичекъ.

— Дѣлать, непременно дѣлать надо! кричить выступившій впередъ Новиковъ: земля общественная, а пользуются только пять-шесть семей, а мы умирай съ голоду... Вотъ у меня три сына, а земли-то на одну душу, а у Титка ни одного нѣтъ, все дѣвки, а владѣеть на три души, это ужъ совсѣмъ обидно...

— Такъ что, хоть и на три души! Ты вѣдь за меня подати не платишь? И за три да акуратнѣе твоего плачу... — огрызается Титъ Сибиркинъ. — А что у меня нѣтъ сыновей — на то воля Божья! — у меня за то четыре дѣвки, не всѣхъ же отдамъ замужъ, возьму и приемыша, а у тово може больше твоего будетъ парней-то...

— Да вѣсть то вѣдь каждый день надо, а у тебя «улига ѣдетъ, да когда еще

*) Вскумошиться — неожиданно предпринять что-либо, сдѣлать, собраться и т. п.

пріѣдетъ», да дѣвку одну ты ужъ заporučилъ *), може и другую отдашь въ это межговѣнье, у тебя, значить, убудеть семья-то, а мнѣ вотъ надо женить одного парня, у меня еще прибудеть фдоковъ... А что я не акуратно плачу подать, такъ ты, умная башка, попробуй-ко на моей-то одной душонкѣ земли пожить, такъ можетъ быть не только подати не заплатишь, но съ голодухи умрешь!.. А я плачу и подавать... Ты хлѣба-то продаешь рублей на 30 въ годъ, а я съ новаго года каждагодно ужъ покупаю, ты и сѣно-то продаешь, а я арендую покосу на 20 р., потому — на одной-то душонкѣ не далеко ускачешь...

Мало-по-малу споръ двухъ сторонъ становится все тише и тише — признакъ готовящагося примиренія. Наконецъ, дядя Дмитрій встаетъ съ лавки и говорить:

— Ну, какъ хотите, братцы! Я не перечу міру: дѣлать, такъ и дѣлать!..

— Вотъ давно бы такъ, дядя Митрей!.. За это—спасибо!.. слышится въ толпѣ.

— И я согласенъ, Богъ съ вами! говоритъ Спбиркинъ: колп-што, нехватки будуть, то распашу и на купленной (крѣпостной), земли у меня хватить..

Порѣшили передѣлать всю землю, какъ пахатную, сѣнокосную, такъ и годную подъ то или другое, но скотскій выгонъ и дровяной лѣсъ оставить въ общемъ, по прежнему, пользованіи. Дѣлежъ рѣшено начать съ завтрашняго же дня и на первый годъ изъ пашни раздѣлить лишь то поле и полянки, что были подъ паромъ—«паренину», такъ и въ слѣдующій годъ; такимъ образомъ, дѣлежъ окончить лишь въ три осени, такъ какъ система хозяйства трехпольная.

Порѣшивши въ принципѣ передѣлать нашу «кормилицу», немедленно же приступили къ разверсткѣ (пока теоретически, конечно), душевныхъ надѣловъ между однообщественниками. Разверстка производилась смотря «по фдокамъ каждаго двора: съ одного двора сбавляли на 1 душу, на $\frac{1}{2}$ души, даже на $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{8}$ часть души, а другому прибавляли таковое же количество. Здѣсь принималось во вниманіе все, всякая мелочь въ состояніи семьи въ настоящемъ и въ возможномъ будущемъ. Такъ, если у крестьянина, въ родѣ Сибиркина, дѣти все дѣвочки, то рѣшено надѣлать ему и на будущаго приемыша на $\frac{1}{2}$ души, а у другого хотя и есть сынъ, но находится въ общины и уже «отчислился», перешель въ другое сословіе или другое общество, то на такого «отрѣзаннаго ломтя» земли уже не полагалось. Что касается такихъ членовъ общества, которые находятся въ военной службѣ, въ частной, или просто неизвѣстно гдѣ, «може померъ, а може и явится», то всѣхъ этихъ, какъ могущихъ вернуться, рѣшено надѣлать землю на-равнѣ съ живущими въ самой деревнѣ. Даже рѣшили надѣлать земли на одну душу Андрею Крушину, у котораго послѣ смерти отца земля перешла «по разнымъ рукамъ», и самъ онъ воспитывался всѣмъ обществомъ, по-очередно кормился, а теперь подростъ и думаетъ «домомъ жить», т. е. хозяйствомъ, самостоятельно.

Немогло обойтись и при этой разверсткѣ безъ спора и брани, конечно, но такъ какъ главное—передѣлать—было уже рѣшено, то въ подробностяхъ на счетъ «сбавки» или «прибавки» надѣловъ и частей его много не разсуждали. Каждый изъ участниковъ приблизительно зналъ заранѣе съ кого и сколько нужно, по совѣсти, сбавить кому и сколько прибавить, поэтому скоро и порѣшили съ этимъ вопросомъ. Написали затѣмъ приговоръ и началось рукоприкладство, съ неизбѣжными шутками.

— Эхъ, ты, Новиковъ! что ворона набродилъ на листь-то... замѣчаетъ подошедшій на смѣну ему Костюха Сѣрковъ.

— Нѣтъ-па, мастеръ росписываться-то, только бы урядникомъ быть!.. Ужо, какъ самъ-то подпишешь?.. Э-э! да тебѣ не помѣстится и на листь-то, надо подшить изъ подъ сахару тотъ листь!..

Кончили и рукоприкладство съ неизбѣжнымъ заключеніемъ: за большинство членовъ общества «по личной ихъ просьбѣ за неграмотностію такой-то руку приложить». Вспомнилъ кто-то при этомъ одинъ казусъ, бывшій съ Новиковымъ въ молодости, заключавшійся въ томъ, что разъ становой приставъ заставилъ его росписаться за какаго-то неграмотнаго, Новиковъ взялъ перо и сирашиваетъ пристава: что ему писать?

*) Заporučилъ—запросватель.

приставъ отвѣтилъ: «ниши по безграмотству такого-то такой-то руку приложилъ». Новиковъ такъ буквально и написалъ, не упомянувъ имянъ, за что и получилъ плюху. Посмѣялись надъ этимъ и стали расходиться по домамъ, «къ бабамъ подь крылышки», по замѣчанію одного новоженца, уговорившись на завтра утромъ собраться опять къ старостѣ, чтобы оттуда и отправиться въ поле.

На утро подхожу къ дому старосты и застаю тамъ уже всѣхъ домохозяевъ налицо, которые были въ полномъ вооруженіи: съ топорами за поясомъ и двухсаженными кольями на плечахъ для обмѣриванія земли. Вотъ, наконецъ, тронулись въ поле, благословляемые бабами и провожаемые ребятишками... Шествіе было достойно кисти художника! Вся толпа шла молча, изрѣдка перекинется кто-нибудь словечкомъ—и опять все замолкнетъ. Каждый былъ погруженъ въ думу «спасти свое животиншко», ибо это самое животиншко всецѣло зависѣло отъ земли, которую приступили раздѣлить. — А что, если мнѣ да достанутся все неудобныя, глинистыя полосы и хлѣбушко не будетъ расти?» каждого мучилъ этотъ неотвязчивый вопросъ и сжималъ сердце... Аргельнаго, веселаго смѣха, обычнаго при всякой общественной работѣ, здѣсь не было и въ поминѣ...

Вотъ, наконецъ, и поле. Какъ дѣлить? Условились производить дѣлежъ по прежнему: сначала раздѣлить поле на половины, раздѣливъ и общество такъ, чтобы число душъ у той и у другой половины было 68, не дробя, конечно, семействъ, каждая половина дѣлилась тоже пополамъ, и затѣмъ также на двѣ равныя части дѣлилась и каждая $\frac{1}{4}$ часть — «четверуха». «Восьмуха» должна дѣлить землю уже подушно, каждому двору отдѣльная полоса, согласно числу душъ.

Каждая половина, четверуха и восьмуха имѣла своего представителя и по нему называлась. Представителями были наиболѣе многочисленныя въ родовомъ отношеніи члены общества, притомъ обладающіе наибольшимъ пониманіемъ веденія сельскаго хозяйства. Наша половина общества, т. е. та, къ которой принадлежалъ я, называлась «кадушкиными», по представителю ея, крестьянину Кадушкину; другая же половина называлась «митенцами», такъ какъ представителемъ ея былъ тотъ самый дядя Дмитрій или Митя, о которомъ уже было говорено, и т. д.

Посрединѣ поля, предназначеннаго къ раздѣлу, проходила дорога, прежде раздѣлявшая поле на половины, но ни та, ни другая половина общества лѣвую «задорожницу» не брала добровольно, что называется «съ любви», а всѣ лѣзли къ правой, считавшейся плодороднѣе.

— Да мы, говорятъ кадушкины,—на двѣ сажени уступимъ еще изъ правой задорожницы на лѣвую, только отдайте намъ правую!..

— Какъ бы не такъ! Мы три уступимъ,—отдайте-ко сами! говорятъ митенцы.

— А мы четыре!

— А мы пять! кричатъ опять митенцы.

— Коли пять уступаете, то берите! сказали кадушкины.

— Возьмемъ! кто то сказалъ изъ митенцевъ, но другіе протестуютъ: «Что вы, сума разъ снятили! Дай-ко пять сажень, откинь да во всю-то длину поля, то сколько у нихъ земли-то прибудеть, а намъ что останется?.. Нѣтъ не согласны!..

— Вишь штука-то какая,—замѣчаетъ кто-то:—одна только сажевъ, да и пере-вѣсила, никто и брать не сталь...

— Объегоривать другъ друга въ этомъ дѣлѣ нельзя, ребята! Каждому вѣдь жить надо... Лучше сдѣлаемъ такъ: откинемъ дорогу въ правую половину на два кола—4 саж.—да и бросимъ жеребеекъ,—святое дѣло! говоритъ старикъ Петруха.

— Вѣрно, вѣрно, Петро! каждому жить надо... раздается въ толгѣ.

— Взяли двѣ рукавицы, та и другая половина подали по жеребью: кадушкины соломенку, а митенцы щепочку, подали одному положить жеребья въ разныя рукавицы. Взявшій жеребья отошелъ отъ артели на почтительное разстояніе, отвернулся, что-бы не замѣтили и положилъ, а затѣмъ принесъ. «Кому теперь бросать?» «Старостѣ!» — закричали міряне. Староста взялъ рукавицы и бросилъ: «Эта, говоритъ, рукавица на правую задорожницу, а эта на лѣвую!» На правую вышла съ соломенкой.

— Наша! крикнули кадушкины.

— Ахъ, чертъ возьми! на самую-то глину насъ и спихали, — сказали митенцы.

— Вотъ какъ мы васъ обдѣляли! — хвастаютъ кадушкины.

— Ну, ничего! только пахать подтверже будетъ, а хлѣбъ-то родится и на лѣвой не хуже, а одворье *), такъ, пожалуй, еще лучше вашего... Озадки **) вотъ только вымокаютъ иногда...

Говориге теперь, что знаете, а ужъ мы васъ обдѣляли, надо правду сказать! не перестаютъ хвастаться кадушкины.

Пока разсуждали, да измѣряли, время уже подвинулось къ обѣду. Отправились по домамъ.

Послѣ обѣда стали дѣлить одворье на четверухи, но раздѣлить одворье оказалось не такъ легко, какъ цѣлое поле. Если раздѣлить пополамъ, по числу сажень, то раздѣлъ былъ бы неравенъ, такъ какъ та часть, что шла къ изгороди, была бы меньше, ибо лехи шли туда на откосъ, одна другой короче, а послѣдняя леха у изгороди имѣла длины только 20 саж., тогда какъ возлѣ дороги они были по 50 саж. длины. Начали измѣрять: сколько нужно сдѣлать «прибавки» къ укороченной части? Сговорились на три лехи. Откинули это. Затѣмъ откинули $\frac{1}{2}$ лехи или по мѣстному «прилехъ» къ той полосѣ, что возлѣ дороги надѣлится; это на «затопку», такъ какъ дорога не широка и смежная полоса возлѣ нея всегда отчасти затапывается то людьми, то лошадьми при проѣздѣ. Остальное отъ этихъ «прибавковъ» количество земли и раздѣлили пополамъ, предварительно измѣривши кольями, — и метнули жребій. На нашу четверуху палъ жребій къ изгороди.

Въ это время къ намъ подошли митенцы, раздѣлившіе уже свою половину на четверухи; естественно, съ нашей стороны пошли вопросы: кому и гдѣ досталось?

— Да намъ, брагцы, къ ручью досталось! сказалъ Паршинъ.

— Ну? камень-то видно все ваше! замѣчаетъ кто-то изъ нашихъ.

— Что дѣлать! жребій-то не лошадь — не сядешь на него?. Главное — смываетъ по веснамъ, вотъ что худо, а камень-то ничего бы: гдѣ камень, — тамъ хлѣбъ-то родится еще лучше, потому — согрѣваетъ огъ корни...

На слѣдующій затѣмъ день раздѣлили одворье сначала на восьмухи, а потомъ уже по-душю. При этомъ мнѣ еще разъ удалось на дѣлѣ убѣдиться, насколько каждому крестьянину дорога земля, не даромъ пользующаяся такимъ лестнымъ эпитетомъ, какъ «матушка кормилица»; за каждымъ верхкомъ ея буквально дрожитъ крестьянинъ, и раздѣлъ по-полосно, по-душамъ, производится съ замѣчательной тщательностью. Въ восьмухѣ было 17 душъ, чтобъ раздѣлить доставшійся участокъ земли по душамъ прежде всего приступаютъ къ разверсткѣ его, дабы каждому домохозяину досталось земли столько, сколько ему слѣдовало по числу душъ его двора, ни больше, ни меньше, что, въ свою очередь, я долженъ сказать, не легко было сдѣлать съ такимъ единственнымъ инструментомъ, какъ двухсаженный коль. Если бы участокъ имѣлъ правильную форму квадрата, тогда, конечно, другое бы дѣло, но бѣда была въ томъ, что онъ имѣлъ форму неправильнаго трехъугольника, слѣдовательно надо было разверстать такъ, чтобъ насколько одна полоса была короче или длиннѣе другой, настолько-бъ она была шире или уже той, т. е. увеличеніемъ или уменьшеніемъ ширины полосы наверстать укороченіе ея. Разумѣется, долго пришлось биться крестьянамъ за этой разверсткой, но, однако, все же достигли желаемого и поверстали болѣе или менѣе правильно: на одну полосу сдѣлали прибавку три аршина, на другую два и т. д., затѣмъ считивъ весь общій прибавокъ въ одно, и то, что получилось, — откинули къ одному краю участка, остальное же смѣряли. Оказалось, что ширины этотъ участокъ имѣлъ еще 18 саж., а душъ въ восьмухѣ было 17, какъ уже сказано, значитъ, на каждую душу приходится по одной сажени и одна сажень еще въ остаткѣ. Чтобъ раздѣлить и оставшуюся сажень сдѣлали такую палочку, чтобъ 17 таковыхъ равнялись одной сажени, затѣмъ условившись, съ котораго края начинать дѣлежъ, метнули жребій кому первому, кому второму надѣлать полосы и приступили къ раздѣлу. Владѣльцу 3-хъ душъ намѣряли 3 саж., 3 палочки и еще то, что слѣдовало на ту полосу изъ общаго прибавка, вла-

*) Одворье — первый отъ дворовъ загонъ.

**) Озадки — послѣдній, дальній загонъ въ полѣ.

дѣльцу $2\frac{1}{2}$ душѣ— $2\frac{1}{2}$ саж. $2\frac{1}{2}$ палочки и т. д. Раздѣливши, навтыкали колышковъ и провѣнили каждый свою полосу, а на крайнихъ колышкахъ сдѣлали по «пятну», по которымъ внослѣдствіи и узнають свои полосы.

Пятно—это тоже, что «тавро» или у татаръ «тамга»,—нѣчто въ родѣ фамиліи, и также переходитъ изъ рода въ родъ въ каждой крестьянской семьѣ, только при раздѣлѣ семьи, выдѣлившаяся новая семья дѣлаетъ на немъ нѣчто собственное, какъ бы собственное имя, но общій родовой признакъ въ пятнѣ остается все же неприкосновеннымъ. Такъ, напр., наше родовое пятно было косыя зарубки. Прежде, у дѣда, оно обозначалось одной косою зарубкой, отецъ же раскатица, выдѣлившись, долженъ былъ сдѣлать въ отличіе двѣ такія зарубки, а племянникъ отца—три. Затѣмъ, въ старѣйшей послѣ этихъ раздѣловъ семья вновь произвелъ раздѣлъ и выдѣлившаяся семья какъ не могла сдѣлать пятна ни въ одну, ни въ двѣ и три зарубки, а четыре считала обременительнымъ нарѣзывать, то сдѣлала одну косую и внизу точку. Въ другомъ родѣ было пятно горизонтальныя зарубки и тоже, когда дошло до 4-хъ, то новая семья сдѣлала одну горизонтальную, а другую—вертикальную и небольшую, косыхъ же зарубокъ не могли сдѣлать потому, что это былъ нашъ родовой признакъ пятна. Это—простѣйшія пятна, но есть и сложныя. Напр., въ кузнецовскомъ родѣ крестикъ: у Михайла просто крестикъ, у Дмитрія крестикъ и наверху зарубка, у Степана крестикъ и внизу зарубка и т. п.

Такія пятна клалутся и на изгороди, и староста обязанъ знать ихъ всѣ и помнитъ, осматривая исправность изгородей.

Послѣ одворя началъ дѣлить средину и озадки поля и раздѣлили такимъ же образомъ, что и одворье, только, надо замѣтить, трудъ по разверсткѣ здѣсь болѣе усложнился, нежели при раздѣлѣ одворя, гдѣ почва была болѣе или менѣе одинакова. Здѣсь же были полосы каменистыя, были и водянистыя, на которыхъ хлѣбъ стчаси вымокаетъ. Каждое запущенное мѣсто—«пустовытокъ», по мѣстному, — каждая кочка обсуждалась здѣсь всѣми, такъ какъ крестьяне отлично знаютъ въ своемъ полѣ плодородіе каждаго вершка земли и стараются поэтому раздѣлить ее такъ, чтобъ каждому досталась всякаго качества земля.

— Тутъ, въ этомъ дѣлѣ нельзя такъ, чтобъ отмѣрять по-ровну да и бросить жребій на счастливаго — кому что достанется... Потому — не такое это дѣло... Здѣсь надо подумать, да изверстать, а потомъ ужъ жребій-то, если съ любви нестолковаться! говоритъ Петръ, когда его стала упрекать молодежь въ излишней, по ея мнѣнію, медленности дѣлежя.

Молодежь вообще, надо сказать, рѣшительнѣе: она готова раздѣлить хоть въ одинъ день всѣ поля, не затрудняя свои головы думою о разверсткѣ. Старики же держатся совсѣмъ противоположнаго: они не бросаются на дѣлежъ, а стараются сначала «подумать», да «изверстать», а потомъ ужъ раздѣлить тотъ или другой участокъ, слѣдуя пословицѣ: «семь разъ помѣрай, а однажды отрѣжь».

А подумать и вправду было о чемъ! Представьте себѣ площадь пахаты въ 10—20 десятинъ, площадь неправильной формы и различной плодородности почвы: есть тутъ и каменистая, есть и глинистая, есть ляги, есть кустики, камни, есть очень хсрошая и мягкая земля, есть и «такъ-себѣ»,—вотъ извольте-ка съ такимъ инструментомъ, какъ двухсаженный коль раздѣлить ее такъ, чтобъ каждому домохозяину—а ихъ 70 человекъ—досталось той и другой и третьей земли, да и столько, сколько ему слѣдуетъ по величинѣ своего надѣла, ни больше, ни меньше... Согласитесь, что есть о чемъ подумать старикамъ?..

Послѣ раздѣла поля приступили къ раздѣлу полянокъ и къ повѣркѣ усадебной осѣдлости. Полянокъ было 18 штукъ и совершенно различной, величины, а также и плодородія, поэтому раздѣлъ ихъ отнялъ у насъ цѣлую недѣлю времени. Здѣсь нужно было старикамъ сообразить кромѣ количества распахки еще изгороди, какъ вы они, долго-ли не потребуютъ ремонта? Нужно сообразить и то, возможна-ли дополнительная распахка къ той или другой полянкѣ, а также—кому полянка принадлежала? Если полянка принадлежала хорошему, зажиточному крестьянину, то, значить унавожена, не истощена—и наоборотъ, если бѣдняки владѣли ею. Была и такая полянка, которая принадлежала

ранѣе 30-ти домохозяевамъ; тутъ опять при раздѣлѣ и мелко, т. е. по-полосно принималось въ соображеніе, какое мѣсто и кому принадлежало до этого времени.

При раздѣлѣ полинокъ крестьяне нѣсколько оживились духомъ, то и дѣло стали перекидываться уже шуточками, такъ какъ приглядѣлись всѣ къ этому дѣлу и перестали скорбѣть о томъ, чтобъ не достались все худыя полосы, удивившись, что раздѣлъ идетъ ровно. Былъ у насъ одинъ домохозяинъ слабоумнѣннѣй, по имени Макаръ или Макарко, какъ его всегда называли, которому и досталась въ одной полянкѣ самая лучшая полоса, сильно удобренная.

— Эхъ!—говорить шутники,—тебѣ, Макарко, какая-же дрянъ досталась,—прости Господи, отъ одной вони задохнешься... Ха! ха!...

Макарко и носъ повѣсилъ, загрустилъ и чуть не плачетъ, что еще болѣе подзадорило шутниковъ, и хохотъ поднялся всеобщій. Наконецъ Макарко не выдержалъ, дѣйствительно заплакалъ и проситъ своего родственника обмѣняться полосами.

— Полно, дуракъ,—говоритъ тотъ,—здѣсь смѣются надъ тобой, это еще лучше, что уважена... Для чего ты и павозъ-то возишь, подумай?...

Макарко вдругъ и повеселѣлъ.

— Это,—говоритъ онъ шутникамъ,—еще лучше, дрянъ то!...

Не смотря на свои слабыя умственные способности, Макарко вель свое хозяйство почти не хуже другихъ и подати платилъ исправно потому что былъ трудолюбивъ и послушливъ. Что другіе будутъ дѣлать, скажутъ ему, то и онъ дѣлаетъ, и выходило хорошо. Въ общины существованіе Макарка, какъ самостоятельнаго хозяина, не мыслимо, въ общинѣ-же онъ благополучествовалъ, даже женился и имѣетъ дѣтей. Личные, индивидуальныя недостатки въ общинѣ какъ-то сглаживаются, потому что человѣкъ со слабою волей и слабымъ умомъ подпадаетъ подъ вліяніе толпы и подчиняется общему теченію жизни. Кромѣ того община помогаетъ совѣтомъ и дѣломъ въ несчастіяхъ, напр., вдовамъ въ первое время ихъ вдовства. Этимъ объясняется у насъ и существованіе женщинъ-домохозяекъ, которыя ведутъ свое хозяйство ничѣмъ не хуже мужчинъ, если въ семьѣ ихъ порядочно рабочихъ рукъ. Въ этомъ—громадное преимущество общины предъ подворно-наслѣдственнымъ землевладѣніемъ.

Послѣ раздѣла полянокъ, занялись повѣркою усадебной осѣдлости.

Усадебная осѣдлость, какъ извѣстно, не подлежитъ передѣлу, но у насъ она измѣряется и верстается пахатнымъ кругомъ, отведеннымъ, вслѣдъ за (свобожденіемъ) крестьянъ, подъ усадебную осѣдлость. Здѣсь, прежде всего, смѣряли, сколько каждый домохозяинъ занимаетъ своими постройками и огородами (улицы въ счетъ нейдутъ): если больше того, сколько бы ему—по приведенію въ извѣстность—слѣдовало по величинѣ его надѣла, то излишне занятая имъ квадратныя сажени исключались изъ слѣдуемой ему полосы въ пахатномъ кругу осѣдлости и причислялись къ тому, у кого осѣдлости было занято постройками менѣе того, сколько-бы ему слѣдовало. Работа и эта оказалась не легкою, потребовавшею цѣлыхъ два дня времени, но справились и съ ней...

При обмѣрѣ осѣдлости, не обошлось безъ ругательствъ и споровъ, особенно выдавался этимъ женскій персоналъ деревни. Рѣдкая баба не выбѣгала на улицу, когда подходили къ ея дому, прося то или другое мѣсто не класть въ мѣру, и когда не слушались, то награждала цѣлымъ потокомъ брани всѣхъ, а наиболѣе своего муженька: и пьяница-то онъ, и подлець, и нерачитель дому и т. д.

— Слыхано-ли дѣло, штобы пустое мѣсто въ огородѣ мѣрять? Въдь одна глина а въ полѣ отдай хорошую землю.. Анафемы вы! Пропойцы! Нашли такого дурака, какъ мой—ѣтъ, такъ просто вамъ.. обмѣриваеге!...—кричала она, когда огородъ мѣряли весь, сколько было обнесено изгородью, а не по ея, не однѣ только гряды.

— Да, Матренка, если глина, такъ зачѣмъ ты обнесла изгородью-то? Вътъ какая ни есть земля, а ваша, ты не кого не пустишь съ сохой туда!... урезониваетъ ее староста.

— Полно, Матреха, кричать! Не то, ей Богу, отчету за косы!... Что ты дуришь! У всѣхъ такъ мѣряютъ, не у насъ однихъ... урезониваетъ наконецъ, и мужъ.

— Пьяницы! Анафемы! кричить, не унижаясь, баба, да и все.

Такия сценки повторялись чуть-ли не у каждого дома.

На будущее время владѣніе усадебной осѣдлостью оставили опять на прежнихъ основаніяхъ: если кому-либо понадобится строить вновь домъ, амбаръ, хлѣвъ и т. и. или старое строеніе переносить на новое мѣсто, то стѣснять его въ этомъ никто не долженъ, хотя бы строящимся былъ занять вашъ лучший огородъ. Тотъ же домохозяинъ, у котораго строящимся было занято мѣсто, тоже въ свою очередь имѣеть право взять у строящагося взаменъ его лучший огородъ или столько сажень его, сколько было отчуждено подъ постройку, и тотъ не въ правѣ отказать ему въ этомъ.

Такъ кончился на первый годъ раздѣлъ пахатной земли, но вслѣдъ за нашей вздумали старики въ этомъ же году раздѣлить и сѣнокосную землю, что и привели въ исполненіе.

Время было уже октябрь мѣсяць, погода стояла холодная, изрѣдка выпадалъ снѣжокъ, такъ-что все запасались шубами и рукавицами, отправляясь на раздѣлъ сѣнокосовъ. Однако, сѣнокосную землю на половины скоро раскинули, даже не отходя отъ старостина дома, такъ какъ не трудно было сосчитать, въ какомъ чищеніи, пожнѣ и сколько накашивается сѣна внизъ по теченію рѣки и сколько вверхъ (у насъ весь сѣнокосъ по рѣкѣ), затѣмъ, исчисливъ, раздѣлить по-поламъ это количество сѣна и метнуть жребій. Плодородіе же земли и качество травы было почти одинаково, что вверхъ, что внизъ по рѣкѣ: вездѣ всякаго качества была земля, въ общемъ. Такъ и было сдѣлано. Нашей половиной досталась земля вверхъ по рѣкѣ.

Но въ пожняхъ, какъ и въ полѣ, чѣмъ мельче дробился участокъ, тѣмъ больше усложнялся раздѣлъ его изъ-за развертки, даже затруднительнѣе пахаты, во 1-хъ потому, что поженъ было числомъ болѣе, нежели полей и полянокъ, во 2-хъ потому, что нѣкоторыя изъ поженъ были удалены на 6—8 верстъ отъ деревни, другія-же находились возлѣ самой деревни, значить, тутъ и разстояніе играло не маловажную роль. Пришлось всю сѣнокосную землю въ своихъ половинахъ осмотрѣть, измѣрить, изслѣдовать годность и количество изгородей, качество сѣна и количество его въ каждой пожнѣ въ отдѣльности, возможное улучшение и дополнительную расчистку (и при какой затратѣ труда) годной для сѣнокоса земли. Такимъ образомъ, на раздѣлъ сѣнокосовъ мы потратили время болѣе недѣли, уходя ихъ дому чуть-свѣтъ и приходя уже въ потьмахъ.

Насколько видную роль играетъ здѣсь удобная подъ расчистку сѣнокоса земля, видно уже изъ того, что многіе изъ домохозяевъ отказывались отъ нѣкоторыхъ полосъ существующаго покоса и брали «съ-любви» взаменъ того совсѣмъ заросшія лѣсомъ ляги, но «травянистыя», считавшіяся удобными подъ расчистку. Такъ, впрочемъ, поступали большесемейные, одиночки же довольствовались хоть малымъ, да готовымъ сѣнокосомъ. Да оно и понятно: если одинокому взять какое нибудь заросшее мѣсто да расчищать его наймомъ (а одному гдѣ же справиться!), то «сѣно-то будетъ расти покунное, да и дорогою цѣною», какъ справедливо замѣчаютъ они. Не то большесемейные:

Я не боюсь ляги! говоритъ Яковъ Ивановъ, у котораго было три сына взрослыхъ, да и самъ еще въ «могутѣ»:—Что мнѣ значить на 3—4 года лишиться какихъ нибудь 5-ти дюймовъ сѣна, а потому я, какъ расчищу лягу-то, такъ у меня будетъ расти на 20-ти возовъ въ годъ!... Въ Тигондѣйкѣ у меня такъ вышло...

Можетъ быть Яковъ Ивановъ и прибавилъ для краснорѣчія (безъ этого ужъ нельзя!), столько сѣна у него и небываетъ въ Тигондѣйкѣ, гдѣ онъ дѣйствительно въ старину предпочелъ лягу готовому сѣнокосу, но во всякомъ случаѣ трудъ по расчисткѣ удобныхъ для и коса ляжинъ всегда хорошо вознаграждается.

Дѣлежъ сѣнокосовъ по-полосно производится даже съ чрезмѣрною разверткою, которая имѣетъ и свою невыгуду, вслѣдствіе дробности участковъ. Такъ, напр., въ одномъ чищеніи на долю каждого домохозяина надѣлили по 10-ти полосъ, которая по этому были настолько мелки («заяцъ перескочить!»), что владѣльцу 3-хъ душеваго надѣла доставалась полоска въ одинъ возъ сѣна. Такъ-что въ данномъ случаѣ крестьяне что выгдываютъ отъ развертки, не менѣе того теряютъ (и при томъ все) отъ дробности полосъ; потому что чрезъ это и самая работа по косбѣ и уборкѣ сѣна замедляется. Не рѣдко изъ за того, что много времени теряется на переходъ съ одной

полосы на другую, какуюнибудь полосу замочить дождемъ и сѣно сгниетъ, будь это въ одной полосѣ, они успѣли бы его убрать до дождя...

Но такова ужъ сила обычая, стариками установленнаго и идти противъ этого было бы бесполезно...

Сѣнокосами здѣсь дорожатъ больше всякой земли, не исключая и пахатной, ибо подъ пашню болѣе удобныхъ мѣстъ, нежели подъ сѣнокосъ. Безъ сѣнокоса и лучшая пахатная земля не дастъ хорошаго урожая хлѣбовъ, такъ какъ нѣтъ покоса,—нѣтъ и скота, а нѣтъ скота,—нѣтъ и удобренія, а безъ удобренія какой ужъ хлѣбъ? Отсюда и дробность полосъ, потому что каждому хочется получить «сѣнокосу», если и не больше мѣрою и не лучше качествомъ, то и не меньше и не хуже, чѣмъ у другого съ одинаковымъ надѣломъ крестьянина.

Такъ кончился на первый годъ раздѣлъ нашей «матушки-кормилицы», и окончаніе его, какъ и всякаго крупнаго мірскаго дѣла, было «выпрыснуто» 2-мя ведрами водки и... сошло благополучно, такъ какъ важное начальство въ то время не жило по деревнямъ и штрафовать насъ за это было не кому...

А. А. Шустиковъ.
